

84(2Рос=Рус)6кр.

Я96

287867

Александр
Яшин

ЭТИ ВОТ
РОДИМЫЕ МЕСТА

1913–1968

~~16~~ Мл. ао

16

Александр
ЯШИН

ЭТИ ВОТ РОДИМЫЕ МЕСТА

198888

ВОЛОГДА
«Учебная литература»
2013

Вологодская
областная детская
библиотека

84(2.Рос=Рус)6, кр.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)6
Я 96

Составитель С. Ю. Баранов

Я96 Яшин А. Я.

Эти вот родимые места. – Вологда: Учебная литература, 2013. –
256 с.: ил.
ISBN 978-5-98925-036-3

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)6

Выпуск книги приурочен к 100-летию со дня рождения А. Я. Яшина, известного русского писателя середины XX века. В книгу вошли поэтические и прозаические его произведения, а также стихи, ему посвященные. Предназначена книга для школьников среднего и старшего возраста.

ISBN 978-5-98925-036-3

© Наследники, 2013
© Баранов С. Ю., составитель, 2013
© Попова-Яшина Н.А., участие
в составлении, 2013
© Оформление. ООО «Учебная
литература», 2013

НЕМНОГО О СЕБЕ

Родился я в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в Первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работать в полную силу.

Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волока¹, медвежьи буераки², жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас...

Поныне живет в наших местах неистребимая любовь к былинам и сказкам. В полях, на дальних сенокосах, в охотничьих избушках и на лесосплаве – нигде отдых не проходит без сказок.

¹ Волок – большой лес между селениями.

² Буерак – глубокий овраг с крутыми склонами.

Сказочные сюжеты воспринимались мною с детства как что-то очень близкое, обжитое, свое. И стихи складывать я начал очень рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсеню-батрака», про то, как он «за осьминку¹ табака робил год у кулака». Все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать вслух эту «складную бывальщину». Им, тогда в большинстве неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но и про Арсеню-батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи.

Печатать мои стихотворения начали в 1928–1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга – «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни». Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». Непосредственное участие в организации и укреплении колхозов надолго определило мою основную литературную тему.

По окончании семилетки и Никольского педтехникума я был сельским учителем в Чебсарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы². В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей, – я стал его председателем.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

Становление литератора – процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике сти-

¹ Осьминка – около 50 г.

² Неполная средняя школа – семилетка.

Сказочные сюжеты воспринимались мною с детства как что-то очень близкое, обжитое, свое. И стихи складывать я начал очень рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсеню-батрака», про то, как он «за осьминку¹ табака робил год у кулака». Все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать вслух эту «складную бывальщину». Им, тогда в большинстве неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но и про Арсеню-батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи.

Печатать мои стихотворения начали в 1928–1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга – «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни». Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». Непосредственное участие в организации и укреплении колхозов надолго определило мою основную литературную тему.

По окончании семилетки и Никольского педтехникума я был сельским учителем в Чебсарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы². В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей, – я стал его председателем.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

Становление литератора – процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике сти-

¹ *Осьминка* – около 50 г.

² *Неполная средняя школа* – семилетка.

хов молодого поэта до появления его первой книги. А на проверку нередко оказывается, что эта первая книга – лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе, когда участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики имени Маркова и печататься снова начал лишь спустя три года.

В первые дни Великой Отечественной войны я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Получая партийный билет, я уже имел направление на Ленинградский фронт.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов. Довелось принимать и непосредственное участие в боях. В осажденном Ленинграде некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский¹.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом² в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры я опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие. После войны я много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках – Волго-Доне, Куйбышевской и Сталин-

¹ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – драматург, прозаик, в годы войны возглавлял оперативную группу писателей при политическом управлении Балтийского флота.

² Гослитиздат – Государственное издательство художественной литературы.

хов молодого поэта до появления его первой книги. А на поверку нередко оказывается, что эта первая книга – лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе, когда участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики имени Маркова и печататься снова начал лишь спустя три года.

В первые дни Великой Отечественной войны я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Получая партийный билет, я уже имел направление на Ленинградский фронт.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов. Довелось принимать и непосредственное участие в боях. В осажденном Ленинграде некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский¹.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом² в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры я опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие. После войны я много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках – Волго-Доне, Куйбышевской и Сталин-

¹ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – драматург, прозаик, в годы войны возглавлял оперативную группу писателей при политическом управлении Балтийского флота.

² Гослитиздат – Государственное издательство художественной литературы.

градской ГЭС. Был на целинных землях¹ Алтая, учился на курсах трактористов в Благовещенской школе механизации сельского хозяйства. Кое-что из пережитого нашло свое отражение в стихах.

Для писателя естественно желание видеть как можно больше, всегда быть вместе с народом и в меру сил содействовать его великим свершениям.

1958

¹ *Целинные земли* – не подвергавшиеся ранее сельскохозяйственной обработке земли; правительство рассчитывало путем освоения таких земель в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и Алтае резко увеличить производство зерна во второй половине 1950-х годов.

О МОИХ КОРНЯХ

Наверно, на всей земле нет человека, который бы никогда не летал во сне.

Я за свою жизнь летал во сне часто и подолгу, и каждый раз при этом чувствовал себя всемогущим. Стоит раскинуть руки – и отрываешься от земли, паришь над крышами, над лесами, над увалами¹. Стоит пожелать – и все самое необходимое сбывается: к людям приходит счастье и достаток, и самого тебя начинают любить, потому что ты сильный и добрый.

Конечно, во сне пишутся и лучшие книги, такие, которые способны влиять на судьбы людей.

Хорошо все-таки быть сильным и добрым – всемогущим!

Говорят, что с годами человек перестает видеть сны, в которых он летает. Не дай бог мне дожить до такой поры!

Я все еще летаю, хотя в марте этого года мне исполнилось уже пятьдесят лет. Летаю и все еще мечтаю, что смогу сделать что-то очень хорошее. Мечтаю даже больше, чем раньше, особенно теперь, когда всерьез взялся наконец за прозу.

Перевалила жизнь за половину, А я все думаю, что горы сдвину...

«Горы сдвинуть», конечно, никому из писателей не дано, но послужить «правде-матке» хочется. Тем более что теперь атмосфера в нашей Советской стране после XX и XXII съездов партии² располагает к серьезной и плодотворной творческой работе.

¹ Увал – вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами.

² ...атмосфера ... после XX и XXII съездов партии – на XX и XXII съездах Коммунистической партии Советского Союза (1956 и 1961 гг.) были осуждены негативные тенденции во внутренней политике страны, имевшие место во второй половине 1930 – начале 1950-х гг., что способствовало оздоровлению общественной жизни.

До последнего времени я печатал в основном стихи и поэмы. Из тридцати с лишним поэтических сборников лучшей считаю книгу стихов «Совесть», вышедшую в 1961 году. Это плод моего запоздалого «переходного возраста», она выстрадана, а не сочинена.

Прозаический дебют свой отношу к 1956 году, когда был опубликован рассказ «Рычаги». После этого я долго ничего не печатал, хотя писать продолжал, и в 1962 году у меня вышло сразу три вещи: «Сирота», «Две берлоги» и «Вологодская свадьба».

Если в дальнейшем все пойдет так, как задумано и как хочется, то в текущем году напечатаю еще две-три из имеющихся у меня повестей и пьесу «Переходный возраст»¹. Готовлю также новую книгу стихов.

Писать много о себе не хочется. Верю, что у меня еще «все впереди». Но для новых моих читателей, вероятно, не будут лишними несколько слов о том жизненном материале, которым я располагаю.

Я родился и вырос в северных лесах, среди охотников и звероловов. Бездорожный край наш труден для жизни, но полон поэтического своеобразия и дремучей старины с ее былинами, сказками и бывальщинками². В Вологодской и Архангельской областях – что ни район, то свой особый говорок: мы окаем, цокаем и чокаем. Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые

¹ ... две-три из имеющихся у меня повестей и пьесу «Переходный возраст» – повести «Выскочка», «Баба Яга» и «Единомышленники», о которых идет речь, были опубликованы после смерти писателя; работу над пьесой «Переходный возраст» он не завершил.

² Бывальщинка – короткий устный рассказ о невероятных происшествиях, будто бы имевших место в действительности.

церкви¹, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники² и встречным вместо приветствия молчаливо отвешивают низкие поклоны, касаясь земли рукой. Многие из моих земляков не видели железной дороги, но зато летают на самолетах.

Я с детства приобщился к тяжелому и радостному крестьянскому труду – умею пахать плугом, косить косой, метать стога, жать серпом, плести лапти и даже прядь лен с веретеном и ткать пестрядь³ на самодельном стане. В 1954 году на целинных землях Алтая, чтобы лучше сблизиться с молодыми хлеборобами, я окончил вместе с ними курсы трактористов и сейчас могу работать и на тракторе.

Жизненный путь мой не прост. Я с детства знал, что буду поэтом, но вначале работал избачом⁴, учителем, газетчиком, затем, по окончании Московского Литературного института, прошел всю войну с моряками, а сельский материал мне как писателю все-таки роднее и ближе всего.

Страну свою я исколесил вдоль и поперек и знаю не только северную деревню, но писать хочется больше о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блуднове, в которой и поныне живут мои неграмотные мать и сестра, мои «родичи и дядичи».

Конечно, землякам моим нелегко, много еще на Вологодчине дикости и прочих темных пятен, но я люблю свою сельщину такой, какова она есть, и большую часть года провожу не в Москве, а в родных никольских и великоустюжских сузёмах⁵. Бывает, что друзья тянутся на благодатные

¹ Шатровая церковь – церковь с завершением в форме 4-гранной или многогранной пирамиды вместо купола.

² Кокошник – женский головной убор в виде полукруглого щита.

³ Пестрядь – грубая дмотканая материя из разноцветных ниток.

⁴ Избач – сельский культработник, заведующий избой-читальней.

⁵ Сузём – глухой, дремучий лес.

южные пляжи, в разные заморские страны, а я хоть и мечтаю о заграничных путешествиях, но оказываюсь неизменно в Вологодской области. Там все мои корни, все мои начала, там моя литературная судьба, мои герои.

И сейчас, когда мне и радостно и немного завидно, что они, герои моей повести «Сирота», отправляются в первую заграничную поездку, сам я снова собираюсь в свою деревню Блудново.

10 января 1963

ПОЭЗИЯ

ЯИЭОП

ДРУЖБА

И все равно я выберусь на кручи.
Друзья мои, ровесники мои,
Ведь иногда я падаю, чтоб лучше
Узнать цвета и запахи земли!¹

А. Прокофьев

Тропа неровная узка.
За каждым выступом – засада.
Я по каленым шел пескам,
Карабкался по грудам скал
И не однажды в пропасть падал.

Каскадом каменным в овраг
Неслись тяжелые породы.
Я падал, как подбитый,
Как
Упрямый альпинист-чудак,
В застойные немые воды.

Мир опрокидывался,
Рос
Безглазый хаос.
В черном небе
Метались стаи синих звезд.
Дымился Млечный Путь.
Выл Пес,
Плясал Дельфин,
Кружился Лебедь.

¹ *И все равно я выберусь на кручи* и т. д. – В качестве эпиграфа взяты строки из стихотворения А. А. Прокофьева (1900–1971) «Я, может быть, не в третий раз, а в сотый...» (1933).

В них – дружбы звон,
Походный марш
И смерти стон,
Улыбки,
Смех
И вой метели.

Рожденная в дыму, в огне,
В сибирской каторге,
Острогах,
Промчавшаяся на коне
По в кровь расхлестанной стране,
Кривым, загаженным дорогам,
Как ток Днепра¹ на проводах,
Высоким вольтажом² богата,
Испытанная в холодах
Полярных зим,
В чукотских льдах,
В песках,
В гондоле стратостата³,
Спаявшая бездомных нас,
Оберегаемая свято,
Такая дружба не предаст.
Большая дружба
В тяжкий час
Не скажет:
– Расходись, ребята!

1934

¹ *Ток Днепра* – электрический ток, поступающий с Днепровской гидроэлектростанции.

² *Вольтаж* – напряжение электрического тока.

³ *Стратостат* – аэростат, предназначенный для полетов на высоту более 11 км; состоит из наполненного летучим газом баллона грушевидной формы и подвешенной к нему кабины для экипажа (гондолы).

ПРИСКАЗКИ

Бабушке

Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится –
Скрипнет журавель¹,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном доме собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь, – они всегда в чести! –
С мечтой и шуткою не расставаться.

– Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги!
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы –
Ни холода, ни тряски.
– Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

¹ *Журавель* – длинный шест с противовесом для подъема воды из колодца.

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
– Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свеживал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога¹,
На просеки плашмя упало небо.

¹ Лог – широкий и длинный овраг с отлогими склонами.

За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой
По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —
Вёдренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодежь —
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:

Лыко в строку –
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки¹,
Опираясь на кушаки,
Вилами азямы² повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...
Было все.
Да поросло былъем.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору.
Складная, как песня на пиру, –
Носа не просунуть комару.

* * *

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных,
Окуренные на века в овинах³,
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски⁴ старины.

¹ Лешак – леший.

² Азям – верхняя одежда с длинными широкими рукавами и длинными полами.

³ Овин – постройка для сушки снопов.

⁴ Побаска – небылица, короткий забавный рассказ анекдотического или поучительного характера.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом – необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, –
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде –
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937–1939

ТУЧА

Издалека,
Томясь от слезной муки,
Играя снежной белизной плеча,
Заламывая молнии,
Как руки,
Тень, будто шаль,
По травам волоча,
Она плыла.

Весь мир припал и замер,
Истосковавшись, ждал:
Придет гроза.
Глядело жито желтыми глазами
В ее большие влажные глаза.

Ничто вокруг не вызвало тревоги.
Пред тучей полдень побледнел и смерк,
Вились воронки ветра на дороге,
Несмелые,
И поднимались вверх.

Вдруг расколело воздух черным громом,
И хлынули свистящие клинки.
В полях осталась смятая солома,
В садах продрогших —
Яблонь костяки.

1936

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре¹ павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе²:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночь в чугун не отстучали
С каланчи³, знакомой искони, —
Он ушел один в тоске-печали,
Голову на росстани⁴ склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

¹ Угор — пригорок.

² Баса — здесь: наряд.

³ Полуночь в чугун не отстучали с каланчи — на дозорной вышке пожарной части (каланче) сторож оповещал о наступлении полночи ударами в чугунную доску.

⁴ Росстань — распутье, перекресток дорог.

Как решетка, тын¹ стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поется?
Не судите:
Даже на пиру
Все порой кому-нибудь взгрустнется;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937–1939

¹ Тын – деревянный сплошной забор.

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Врывается шум водопада с плотины...
Он ходит по комнате.
Дверь... Стена...
Косится на мертвый кусок полотна:
Картина готова... и нет картины.

Как будто разгадка уже близка:
Вот, кажется, несколько солнечных линий —
И рамка сосновая будет узка,
И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,
Как в сказке вздохнут берега, расступаясь.
И, словно с плотины, хлынет вода
К ногам с полотна,
Журча, как живая...

Но краски не светятся, память молчит,
И время с утра уходит без проку.

А в роще по листьям скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат,
Передники в крапинках волчьих ягод...
Он хочет захлопнуть окно, закричать,
Чтоб не мешали...
Но вот они рядом,

Они уже в комнате... на полотне...
И вдруг озаряется вся картина.
Так лес поутру проступает в огне
Зари,
Так сияет улыбка сына,

Так дерево крепнет от вешних смол,
Поля молодеют, дождями омыты...

«Нашел! За палитру, за кисти!.. Нашел!»
И хорошо, что окна открыты.

1936-1937

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, —
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже
Переношу тяжелый путь, —
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой – удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

ПОЛЕ

О, поле, поле!..¹

Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

¹ О, поле, поле!.. — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Мы стоим – бушлаты нараспашку:
– Ничего! Крепитесь, моряки!¹
Час придет – возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

¹ *Крепитесь, моряки!* – А. Я. Яшин воевал в морской пехоте.

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать¹,
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Крича, строча из автоматов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Танк бил из пушки, пулемета,
Сжигая травы на корню.
Но вот мотор заглох...
Пехота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт — в иле, в саже, —
Затихнув, бивень опустил.
Его пленили с экипажем
И в штаб решили отвести.

Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,
Он заревел, что было силы,
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...

¹ Гать — настил по болоту.

Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?

Едва из топкого болота
Наш танк втянули на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгремев утробой железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим – он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол, –
Он сам уже врага повел! –
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

1941

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА (Фрагменты)

* * *

На углу толкучка,
Замедлен шаг, —
Это блокадный
Универмаг.

В рваных ватниках матери,
В женских шалях отцы.
Голодные покупатели,
Голодные продавцы.

Нет ни мясных, ни молочных —
Нет рядов никаких.
Все без весов — с руки,
Но взвешивается точно.

Взвешивает рука
Покачиванием —
Наверняка.

Табак продается понюшкой,
Затяжкой — по рублю.
«Триста рублей осьмушка,
Дешевле не уступлю!»

Граμμαми хлеб — не пакетами...
Хлеб и табак в цене,
С серьгами, с самоцветами,
С золотом наравне.

Женщина на чемодане
Мертвым голосом тянет:
– Салфетку и кружева,
И котиковую шапку
Меняю на дрова –
На одну охапку.
За бусы и брошки
Хлеба немножко...

Неужель эта женщина –
В трупных пятнах лицо –
Носила нитки жемчуга
И платиновое кольцо?

Что-то вроде творога
Идет за бриллианты:
– Не дерите дорого.
– Мы не спекулянты.

Два волосатых одра¹ несут
В ржавом ведре жирный суп.
Из какого мяса?..
Из каких круп?..
Его не берут.
– Под суд!
– Под суд!

Здесь на углу, на народе
Хоть с полчаса побудь
И ничего не забудь.

¹ *Одёр* – отощавший, изможденный человек.

Медленно, медленно ходим,
Чтоб никого не столкнуть.

Боль распирает грудь.

Ольга по рынку ходила
Медленно, с полчаса.
И ничего не купила,
Вслушивалась в голоса:

– Товарищ матрос,
Купи папирос!

– Табак, махорка –
Мое почтение! –
И поговорка
Как приложение:
– Кури табак,
Бей фашистских собак!

А Ольге нужна зелень
Сосны или ели.
Не изумруды и не рубины –
Нужны витамины.

– Веточка ели – пятнадцать рублей.
Покупайте веточки ели.
На хвойный настой рублей не жалей,
Чтоб десны не заболели!

Соберите иглы в горшок,
потом
Разотрите иглы медным пестом,

Залейте остывшей водой с кислотой –
Три части воды, –
И готов настой.
Через два часа настой процедить.
Полстакана в сутки –
Можно пить.

– Меняю рояль
На дуранду¹.
В придачу инструмент для джаз-банда².
Очень жаль,
Но делать нечего...

В черную шаль одета,
Доживет ли до вечера
Старушка эта?

– Веточка ели пятнадцать рублей...
– Дайте вот эту, позеленей.

У девочки с веснушками
Руки опущены,
Под глазами отеки.
Бледная, испитая.
Стоит –
 святая!

– Томичек Есенина
За жмыха кусочек.

¹ Дуранда – жмыхи, остатки семян масличных растений после выжимания из них масла.

² Джаз-банд – джазовый ансамбль.

– Есть, есть лоточек
Мучки несеяной.

Солнце не светит.
И снег словно мучка.
Где еще на свете
Есть такая толкучка?
Вдруг загрохотало –
Крышу рванул снаряд.
Толпа не бежала
Ни вперед,
Ни назад.

За один Ленинград
Всей Германии мало.

Ольга брела под вечер
Домой по тропкам кривым,
Женщины навстречу
Везли в бидонах воду с Невы.
Смотрели, понурясь, львы,
Во льду и в снегу по плечи.

* * *

От берега до берега
По льду через туман,
Как из Америки
Через Ледовитый океан,
От одного материка
До другого материка,
Словно легенда, – в века
С Большой земли – Отчизны
Пролегла к Ленинграду
Дорога жизни.

Не железная – снежная,
Вьюжная, вихревая,
Разметенная, прямоезжая,
Автогужевая¹.
Не в два следа
И не в три следа,
А во всю ширину озерного льда.
Через Ладогу,
Будто радуга:
По каждой цветной полосе –
Два, три шоссе.

Не летают вороны,
Не летают сороки,
Только в обе стороны
Во всю ширину дороги,
В оттепель и в морозы,
В клубах снежной пыли
Идут обозы
И автомобили.
Словно бы неторопко,
Как муравьи по тропкам,
А приглядишься – несутся, –
Льды метровые гнутся.

Идут на виду у врага
Весь день, всю ночь до утра.
В немце все берега,
Идут – нипочем пурга,
Машины как буера².

¹ *Автогужевая* – по которой движется автомобильный и гужевой (на лошадиной тяге) транспорт.

² *Буер* – парусная лодка на металлических коньках, предназначенная для передвижения по льду.

Слава вам, шофера!

С воздуха как ни бомбят,
С берега как ни бьют –
Этих невымытых ребят
Немцы с пути не собьют.

Если вблизи от дороги
По льду хлестнет снаряд,
Парень свернет немного
И догоняет отряд.

Если машину под лед
Бомба, всплеснув, забьет,
Задняя, прорубь объехав,
Снова вперед идет.

Что б ни случилось на свете,
Грузовики идут.
Хлеб и тепло везут –
Их ленинградские дети,
Смерть отгоняя, ждут.

Вечером все расцвечено,
Фары включаются вечером –
Озеро горит,
Будтоходишь к городу,
Большому, широкоплечему.
А это все – фонари.

Почти замерзая,
Ходят пикеты,
Небо взрезая,
Взлетают ракеты
С берега где-то.

Вновь огневой налет,
И стонет ладожский лед.

Обозначается, хрястнув,
Трещины тонкая нить...

С какой неизведанной трассой
Эту дорогу сравнить?

Она идет не на полюс,
Хоть часто в снегу по пояс,
Не к сказочным далям путь,
Хоть часто в воде по грудь,
И не на тот свет —
Цены ей и меры нет,
В миллионах сердец — ее след.
Всем золотом Лены, Аляски
Не оценить этой трассы.
Величественная, как на Луну,
К городу в плену.

Времени минет много,
Переживем тревогу,
Но будем на каждой тризне
Добром поминать дорогу,
Спасшую столько жизней.

1942-1943

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизною
Откуда ни возьмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,

Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей¹,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
 оживу.

1943

¹ Суховей — горячий сухой ветер.

ПЛЕННЫЕ В СТАЛИНГРАДЕ

Снарядами изрытою тропую
По серым грудам щебня и золы
Они идут оборванной толпою, —
Шаги угрюмы, взгляды тяжелы.

На лица их, багровые от крови,
Показывают детям:
— Немцы — вот! —
На целом свете казни нет суровой,
Чем ненависть в глазах детей-сирот.

Пугливо озираясь, словно воры,
Они идут,
Нет, их теперь ведут.
Как им хотелось видеть этот город!
Вошли. Глядят.
Как будто смерти ждут.

Дома, подорванные их руками,
Грозят упасть, закрыть для них проход.
Они шарахаются:
Каждый камень
Подолшвы ног им леденит и жжет.

Боец-моряк шагает с ними рядом.
— Проклятые! Уже нельзя их бить.
Щади их сон, не трогай их прикладом:
Они в плену и, значит, будут жить.

Их мало сжечь, но свят закон солдата!
Давай им хлеба, мяса и воды...

Моряк отводит дуло автомата,
Чтоб — не дай бог — не натворить беды.

1943

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров – скорей канаву,

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то,
Справа – в соснах и кустах,
Слева – в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста –
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа –
Не коси, сломаешь косу.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жечь,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таеться,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?..

1943

МАТРОССКИЙ СЫН

Над синим заливом заняв поселок,
Спасли краснофлотцы мальчишку в плавнях¹.
В его глазах, когда-то веселых,
Увидели вспышки боев недавних.

– Как звать? – спросили.

Ответил: – Коля! –

А Коли дома у многих были,
И сироту рыбака в отряде
Усыновили и полюбили.

Большие и очень строгие дяди
Его, как могли, развлекать старались,
Смешно на губных гармошках играли,
Смешно, не по-взрослому, улыбались.

Устроили Колю в землянке связистов,
И с поля боя по телефону
Нередко от целых подразделений
Передавали ему поклоны.

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки,
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противобазах несли матросы.

¹ Плавни – заболоченные и покрытые зарослями низкие берега реки.

И куклу и кошку достали где-то,
Но мальчик сурово сказал:

– Не играю! –

Тогда надарили ему зажигалок,

Трофейных ручек и пистолетов.

Сукно офицерское раздобыли,

Нашли портного в соседней части,

Старшинскую форму по росту сшили:

– Бери, сынок, да носи на счастье!

Мальчишка рос спокойный и сильный.

Но сколько бойцы его ни ласкали,

К нему уже не вернулось детство:

Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей школе,

Мечтаю о дружбе с матросским Колей,

Тебе бы понятней рассказы стали –

За что воевали мы,

Что отсталяли.

И как тосковали мы все, бывало,

О вас, о родных –

О старых и малых,

И как мы рвались, рвались за врагами

На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943